

Н. В. СМЕХОВИЧ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ОПЫТЕ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ

Надо полагать, что анализ заявленной проблемы следует начинать с того момента, когда понятия нация, «национальный суверенитет», «национальная традиция», «национальные ценности» в конкретной стране и в конкретное историческое время обрели твердый общественный статус. Обретение статуса фиксировалось не только в сознании носителей этих понятий (хотя и это очень важно), этот процесс был связан, прежде всего, с теоретическим обоснованием сути концептов и их закреплением в политической и правовой практике.

Впервые в истории европейской цивилизации понятия «нация» и «национальный суверенитет» начали хождение во времена Великой французской буржуазной революции конца XVIII века. Отцом понятия «нация» можно считать аббата Сийеса, который еще в 1775 г. (за год до создания в 1776 г. труда А. Смита «Исследования о природе и причине богатства народов») в работе «Письмо по поводу богатства» писал, что разделение труда является основой формирования наций, которые он определял как свободные объединения производителей, равных в правахⁱ. К нации Сийес не относил дворянство и духовенство — представителей привилегированных групп населения, которых он называл паразитамиⁱⁱ. Французские интеллектуалы были практически единодушными во взглядах на причины революции. Политическое господство ограниченности, предрассудков и привилегий закончилось всеобщим внутривластным кризисом. Кризис во Франции во второй половине 80-х гг. XVIII в. был вызван экономическим банкротством абсолютизма.

69

В 1788—1789 гг. аббат Сийес пишет три брошюры, которые стали идеологическим катехизисом французской революции. В брошюре под названием «Очерки о привилегиях» он писал, что привилегии делают их носителей бесполезными и даже вредными для общества, что привилегированные сословия — это тяжелое бремя для общества, с которым надо вести беспощадную борьбу. Во второй брошюре «Взгляд на средства осуществления полномочий представителями Франции в 1789 г.» Сийес заявил, что борьбу с паразитическими сословиями невозможно вести в рамках старого порядка. Генеральные штаты как орган сословного представительства не смогут решить эту проблему до тех пор, пока не выступят в качестве органа национального представительства. Только выражая волю нации, Генеральные штаты вправе разработать и принять конституциюⁱⁱⁱ.

Однако в первых трудах Сийеса идея конституции не имела конкретных очертаний. Тем более что к тому времени широкое хождение получили теоретические взгляды Д. Локка и Ш. Монтескье, которые рассматривали конституцию как форму общественного договора между королевской властью и гражданами государства. Решению проблемы национального представительства была посвящена третья брошюра Сийеса «Что такое третье сословие?». Этот труд, по мнению О. Мирабо, есть не что иное, как краткое изложение самых важных истин, которые станут основой идеальной конституции, которая обеспечит счастье человечества^{iv}.

«Что такое нация? Это объединение людей, подчиняющихся общему для всех закону и представленным общими законодателями». Очевидно, в этом определении Сийес пошел дальше 1775 г. Теперь для него нация это не только производительное сообщество, но и политический класс, наделенный политическим суверенитетом. «Нация существует прежде всего, она является основой всего, ее воля всегда законна, она сама — закон. До нее и прежде ее существует только естественное право»^v.

«Чем была нация до настоящего времени?» — вопрошает Сийес. Ничем! — отвечает он во всеуслышание. «Что она требует? Считать ее чем-нибудь!» — восклицает он. Это «чем-нибудь» в скором времени трансформировалось в более конкретное — «всем». Отсюда знаменитое «кто был ничем — тот станет всем!». Для того чтобы идея «ничем — всем» нашла воплощение, Сийес предложил представителям третьего сословия-нации собраться отдельно, образовать Национальное собрание, а

70

затем от имени нации принять конституцию. Идеи Сийеса защищали интересы буржуазных слоев общества, которые рвались к власти, но не имели четкого плана действий по слову старого порядка. Этот план и

содержался в трудах Сийеса. Поэтому его идеи были восприняты политическими лидерами, которые в Генеральных штатах представляли третье сословие-нацию. В результате, как известно, 10 июня 1789 г. аббат Сийес, избранный в состав Генеральных штатов как представитель третьего сословия от Парижа, предложил депутатам от дворянства и духовенства присоединиться к нации. На обращение откликнулись 19 депутатов от духовенства. Это свидетельствует о том, что единомышленники Сийеса были, прежде всего, в среде французского духовенства. Используя момент моральной и политической поддержки церковной элиты, 15 июня 1789 г. Сийес сделал решительный шаг, он заявил, что оппозиция представляет 96 % нации, и предложил утвердить новое название третьего сословия — Собрание национальных представителей.

17 июня это предложение было принято в более точной формулировке — Национальное собрание. Затем 20 июня 1789 г. состоялось историческое клятвенное заседание в зале для игры в мяч. После взятия Бастилии и укрепления власти Национального собрания последнее приняло новое имя — Учредительное собрание, в котором идея «нация-закон» обрела зримые очертания и стала политической реальностью. Основные принципы конституции были разработаны Сийесом, который провозгласил, что отныне «Франция есть и должна быть единым целым, подчиняющимся всеми своими частями единому законодательству и общей администрации»^{vi}.

Таким образом, идея нация-государство, а вместе с ней и идея национального суверенитета были реализованы во французской конституции, принятой в 1791 г. Но возникает вопрос: на какую часть населения в количественном отношении опирался аббат Сийес, когда говорил о французской нации. Уже в самом начале было ясно, что к третьему сословию-нации аббат не относил лиц наемного труда и крестьянство, хотя об этом прямо и не говорилось. Но когда встал вопрос о наделении населения гражданскими и политическими правами, Сийес определился более четко. Он предложил наделить избирательным правом только «активных граждан». «Активные граждане» должны были соответствовать следующему цензу: совершеннолетний француз, не менее одного года проживавший на территории первичного избирательного округа, который не находился в услужении и который уплачивал

прямой налог в размере как минимум трехдневной местной заработной платы, т. е. 2—3 ливра в год и выше^{vii}. Остальные граждане были лишены политических прав. Еще более четко понятие нация как политическая категория было очерчено в избирательном законе, согласно которому право быть избранным в высший законодательный орган власти ограничивалось имущественным цензом: уплатой прямого налога в размере не менее 53 ливров в год и выше. По данным исследователей, население Франции в 1789—1794 гг. насчитывало около 24 млн человек, привилегированное сословие (дворянство) составляло всего лишь 450 тыс. человек. Еще меньшую долю составляло духовенство. В арифметическом выражении «активные граждане» составляли около 1/6 части (17 %) взрослого мужского населения, общая численность которого составляла около 7 млн человек^{viii}.

Совершенно очевидно, что аббат Сийес разработал и реализовал программу революционного национализма, под флагом которого во Франции прошло все XIX столетие. С этого момента «национальный» фактор как идеология стал доминирующим в политической жизни Франции. Как уже отмечалось в теории, **понятием «нация» Сийес очертил, прежде всего, социально-экономическую и политическую группу населения, эта категория у него не имела этнических характеристик.** Но одновременно это означает, что **концепт «нация» изначально приобрел свойства идеологии.** А когда в законе о выборах было определено, что избирательным правом обладают только имущие французы, понятие «нация» в самосознании граждан сразу же **приобрело классовый политико-идеологический оттенок, но одновременно оно было дополнено по форме и этническим содержанием.**

В более позднее время французские либералы (Б. Констан, маркиз Д. де Траси и др.) начали использовать такие понятия, как «национальное государство», «национальные интересы». Д. де Траси в работе «Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu» писал, что «национальное государство» — это такое государство, в котором источником власти является «общая воля народа»^{ix}. Из этого следует, что к «народу» Д. де Траси вслед за Сийесом относил только представителей имущественной части населения, которые в этническом отношении являлись французами. Идеологическая составляющая, содержащаяся в указанных определениях де Траси вполне очевидна.

Конспективно прослеживая эволюцию концепта нация, надо отметить, что в 20—40 гг. XIX в. благодаря трудам историка и политика Ф.Ги-

зо это понятие было дополнено по форме новыми составляющими содержательного типа. Гизо учел горькие уроки социального противостояния в период 1789—1794 гг. Он понял, что классовое противоборство ослабляет государство. Поэтому Гизо стремился внести в концепт «нация» иные, внеклассовые объединяющие индивидов мотивы. Как и для Сийеса, для Гизо нация виделась социальной, а не этнической общностью. Но Гизо пошел дальше в другом, он доказывал, что нация это не только материальная буржуазно-либеральная среда, это какой-то общий дух, какое-то единство интересов, идей, чувств, которое

помогало объединению, способствовало преодолению социального различия и вражды^x. Соответственно процесс образования нации у Гизо охватил значительный исторический период, начиная со Столетней войны, которая способствовала становлению и положила начало объединению французской нации^{xi}. Таким образом, в конце XVIII— первой половине XIX в. концепт нация в теоретической версии и социальном опыте Франции прочно утвердился, стал не только научной категорией, но и закрепился в правовой и политической практике. В теории этот концепт имел идеологическое содержание, но одновременно его форма обрела этнические и культурные очертания.

На этой базе сложилось и развивалось чувство национальной идентичности (лат. *identicus* — тождественный, одинаковый) индивидуумов, принадлежавших к разным социальным классам. У Гизо нация — это стремление индивидуумов (вне зависимости от социального статуса) на базе общих ценностей: интересов, идей, чувств — в противовес вражде — к духовному единству. Вслед за этим к интересам, идеям, чувствам были отнесены такие характеристики, как язык, общее историческое прошлое, общие культурные ценности, созданные представителями нации, громкие победы на ратном поле и даже территория расселения конкретной нации. Значительно позднее французский исследователь Р. Жирарде писал, что французский национализм как левого, так и правого оттенка — это определенное единство с конкретным набором постоянных признаков: воспевание военной славы и гордость, склонность к поддержке жестких политических режимов, преданность «наполеоновской легенде»^{xii}. «Провозглашение права быть свободными людьми дает им возможность быть независимыми властителями своей судьбы»^{xiii} — один из центральных лейтмотивов французской идентичности. Одним из ее символов выступила «Марсельеза», к таким же символам можно отнести многие архитектурные сооружения

Парижа, государственные награды Франции и многое другое, принадлежащее идентичности как «общему духу».

Конечно, аббат Сийес был не одинок в своих мыслях о роли и месте буржуа-нации в истории вообще и истории Франции в частности. Вспомним, что подобных взглядов придерживался Сен-Симон, который с головой окунулся в события 1789 г., отказавшись от дворянства и графского титула, и писал: «После освобождения общин мы видим, как промышленный класс возвысился до подчинения себе политической власти. Промышленный класс будет продолжать одерживать победу и овладеет, наконец, всем обществом. Вот таков ход вещей, вот куда мы идем»^{xiv}.

Многие французские историки, начиная с аббатов Ж.-Ф. Лефранка и О. Баррюэля и заканчивая современными исследователями М. Агюлоном, М. Тайефлером, Ж.-А. Фоше, Ф. Альбером, говорили как о прямых, так и возможных организаторах Великой революции. В этом качестве они видели закулисную деятельность масонских структур и организаций^{xv}. Накануне Великой революции в Париже действовали многочисленные политически радикальные масонские ложи. В их недрах обсуждались и готовились документы, необходимые для принятия решений. Одной из форм публичной закулисной деятельности были всевозможные философско-увеселительные заведения: кафе, ателье, салоны, кружки, клубы. Масонские структуры были представлены своими теневыми верхами в Законодательном собрании периода Великой революции. По данным некоторых французских историков (например, Г. Мартена, который в начале XX в. занимал высшие должности в организации Великий восток Франции), в Учредительном собрании 2/3 от общего количества депутатов составляли люди, состоявшие в масонских ложах^{xvi}. Масонская терминология и риторика, протокол дискуссионного процесса и форма принятия решений хорошо просматриваются в идеях и деяниях конкретных трубадуров революции. Сиесовская теория превращения третьего сословия в нацию, идея Гизо о духовном единстве нации у Сен-Симона получила логическое завершение: «Люди должны вести себя братьями в отношениях между собой»^{xvii}. «Все люди — братья», — вот идеал нации, рожденный в эпоху Великой французской буржуазной революции, но так и не реализованный в социальном опыте Франции. Но авторство этого идеала, несомненно, принадлежит масонам, оно закреплено в их уставе и ныне. Как писал О. Кошен, масоны должны были превратить Францию в ложу,

в которой «все добрые французы будут по-настоящему братьями»^{xviii}. Созвучность этого идеала декларированной масонами триаде «свобода, равенство, братство» также вполне очевидна и не нуждается в доказательствах. Однако следует отметить, что идеологически призыв к реализации этих концептов на практике, что было сделано в «Декларации прав человека и гражданина», адресовался прежде всего буржуазным слоям общества, был нацелен на консолидацию всего класса имущих. Именно поэтому одной из первых инициатив революционеров была ликвидация феодальных чинов и званий и утверждение обращения «гражданин».

Масонство — это форма тайной организации (по сути политико-идеологической и/или религиозно-культурно-просветительской, что, впрочем, не меняет дела), которая в силу закрытости избавлена от всех форм контроля со стороны, как государства, так и общества в целом. На деле масонство есть не что иное, как государство в государстве. Оно имеет строго законспирированную систему постоянного членства в

форме лож различного типа, в которых состоят государственные служащие, политические деятели независимо от идеологической ориентации, представители бизнес-элиты, представители масс-медиа, ученые, деятели церкви и прочие. Масоны имеют огромные рычаги влияния на жизнь государства и общества, но при этом они остаются в тени. Очень важно и другое. Национальное масонство — это своего рода дочерние отделения центральной организации, именуемой Великим востоком, а этот Восток представляет собой тайную международную организацию- интернационал сети всемирной закулисы. Влияние этой закулисы (в форме Римского ли, Парижского ли или иного «клуба», «конгресса», «союза») на политику национальных государств и международных организаций — тема отдельного разговора. Но многие тайные намерения современных масонов просматриваются в хорошо срежиссированных политических спектаклях, например, под названием «предоставление независимости Косово», «борьба за распространение демократии во всем мире», «ограничение суверенитета государств в связи с решением проблемы прав человека», «игра в демократию по-американски под названием двухпартийная система» и т. п.

Новейшая история России также свидетельствует о том, что современное масонство оказывает мощное влияние на российскую государственность. Можно напомнить, что на мартовских 2008 г. выборах Президента России в качестве одного из кандидатов был зарегистрирован

75

и баллотировался великий магистр главной масонской ложи России, председатель Демократической партии России (той самой, в которой состоит Е. Гайдар и другие «птенцы гнезда реформаторов» 90-х гг. XX в.) Андрей Богданов. Доселе никому не известный А. Богданов сумел собрать во всех регионах России 2 млн голосов избирателей, необходимых для регистрации в качестве кандидата в президенты. На выборах он получил более 1,29 % (в Беларуси — 1,49 % голосов российских граждан, участвовавших в выборах) голосов избирателей (около 900 тыс.). Представляется, что это только начало зримого движения российских масонов к вершинам политической власти.

Но вернемся к предмету нашего разговора. Социальные противоречия, характерные для французского общества второй половины XVIII в., во многом были свойственны и белорусскому обществу. Вторая половина XVIII в. для Беларуси — это время социальной конфронтации, крайнего эгоизма правящего класса, политика которого привела государство к краху. Политические привилегии шляхты, ее паразитизм в социальном отношении были причиной глубокого кризиса, который охватил весь государственный организм. Жестокое угнетение податных сословий, пресловутое «liberum veto», возведенное в абсолют, парализовали правовую систему государства, породили повсеместный произвол и анархию. Деструктивную позицию занимало и католическое духовенство, которое своими действиями провоцировало так называемую «проблему диссидентов» — наделение некатолических конфессий равными правами с католической. Даже весьма умеренные действия реформаторов, направленные на мягкое ограничение привилегий шляхты и католического духовенства, в период начиная с 1764 г. встречали ожесточенное сопротивление со стороны этих сословий.

Реальным политическим шансом вывести Речь Посполитую из всеобщего кризиса и спасти государство было принятие Закона о правительстве (Ustawa Rzȩdowa), известного как Конституция 3 мая 1791 г. Весной 1791 г. в Париже заседало Учредительное собрание, которое так же разрабатывало конституцию страны. К этому времени в Париже Собрание уже отменило все привилегии дворянства (11 августа 1789 г.), в июне 1790 г. был принят закон о гражданском устройстве духовенства, собственность которого была передана государству. 7 мая 1791 г. по закону о веротерпимости французские граждане обрели право на свободу совести. Этими актами церковь во Франции практически была отделена от государства, и оно приобрело светский характер. Бесспорно,

76

правящие круги Речи Посполитой, просвещенное общество страны в целом находились под сильным идеологическим и эмоционально-психологическим впечатлением от событий, происходивших в Париже.

3 мая 1791 г. Сейм Речи Посполитой принял исторический акт — Конституцию, которая знаменовала собой победу сил прогресса над силами социальной деструкции. Но в отличие от Франции Закон о правительстве в Речи Посполитой принимался не Национальным, или Учредительным, собранием, а конфедерацией. Принять его на сейме с помощью процедуры «liberum veto» было практически невозможно. В то же время принятие важных законодательных актов конфедеративным путем давало политическим противникам реформ широкие возможности по их дискредитации или отмене таким же путем.

В разработке Закона о правительстве принимали участие три политические силы: монархисты-унификационисты, радикальные реформаторы и умеренные (мягкие) реформаторы. Первое течение формально возглавлял король Речи Посполитой Станислав Август^{xix}. Но первой скрипкой за его спиной был ксендз С. Пятоли. Цель монархистов состояла в том, чтобы на основе объединения всех властных институтов — армии, полиции, финансов, системы права — добиться утверждения конституционной монархии, при которой король наделялся правами главы правительства. Радикальные реформаторы во главе

с ксендзом Гуго Колонтаем видели будущее государства в создании унитарного политического объединения с некоторыми чертами федерализма^{xx}. «Мягкие» реформаторы были представлены делегацией ВКЛ во главе с маршалком надворным литовским Игнатием Потоцким^{xxi}. Это течение выдвигало идею мягкого реформирования системы государственной власти и правления, основываясь на исторических традициях, заложенных в статьях Люблинской унии. Сторонники С. Пятоли и Г. Колонтая имели много общего: они были яркими приверженцами унификации и централизации государства, но расходились лишь в методах осуществления этой идеи.

Следует отметить, что наряду с вполне открытыми политическими течениями, которые принимали участие в разработке акта 3 мая 1791 г., существовала и мощная тайная политическая закулиса. Закулису представляли прежде всего масоны. Многие представители всех трех течений, в том числе И. Потоцкий, С. Пятоли, входили в состав польской ложи Великого востока, которую возглавлял Казимир Нестор Сапега^{xxii}. Одновременно К. Сапега возглавлял литовскую конфедерацию, образованную на Четырехлетнем сейме в 1788 г. К масонам принадлежали не менее 72 послов (22 %) из 359 избранных в состав Четырехлетнего сейма^{xxiii}. Масоном был великий гетман литовский Михаил Казимир Огинский (заместитель великого магистра), от позиции которого в тот момент многое зависело. 3 мая 1791 г. К. Сапега в присутствии 182 сенаторов и послов от имени литовской конфедера-

ции подписал Закон о правительстве и этим самым он в значительной степени нейтрализовал действия литовской оппозиции, которая была против ликвидации правовой субъектности ВКЛ^{xxiv}. Интересно, что приведенное выше провинциальное деление Речи Посполитой уже давно (с 1784г.) существовало в документах — Уставе провинциального масонства королевства Польского и ВКЛ^{xxv}. Конституция 3 мая 1791 г. не ликвидировала привилегированные сословия. Более того, она подтвердила в разд. 5 все права и привилегии шляхты Польши и ВКЛ, которая объявлялась равной в правах между собой и была признана первой защитницей свободы и этой Конституции^{xxvi}. К народу, т. е. политическому классу, она по-прежнему относилась только шляхту и католическую церковную иерархию. Согласно разд. 7 в состав правительства в качестве главы Комиссии народного просвещения входил глава католической церкви Польши — примас^{xxvii}. Духу времени не отвечал разд. 4, который сохранил жесткую феодально-крепостническую зависимость крестьянства от шляхты, наделил ее правом суда над крестьянством. Влияние идей Великой революции можно проследить только в отдельных случаях, если не считать патронатного влияния ложи Великого востока Франции, которая действовала с 1773 г. на масонские структуры Речи Посполитой. В разд. 5 Конституции 3 мая 1791 г. говорилось, что «всякая власть в человеческом обществе берет свое начало в воле народа»^{xxviii} и должна складываться «из трех властей». В других законодательных актах Четырехлетнего сейма содержатся такие выражения, как «национальные армии», «национальные служащие», «национальные финансы». Однако эти определения как по сути, так и по форме были только этническими, т. е. они не принадлежали, как во Франции того времени, идеологии, не были знаменем в руках буржуазной среды, которая стремилась к захвату власти. Национальные значит, прежде всего, польские и/или литовские, национальная терминология была только этнической. В таком же контексте издавались воззвания, универсалы периода восстания 1794 г. 22 мая 1794 г. был издан Манифест Наивысшей рады Литвы,

в котором говорилось о свободах поляков и душах сражающихся литовцев. Следовательно, концепт «нация в Речи Посполитой» не был идеологическим оружием в борьбе сил прогресса (буржуазия) за новый социальный порядок. Для этого еще не сложились как объективные, так и субъективные предпосылки, не сформировались конкретно-исторические условия, необходимые для внедрения новой идеологии в жизнь.

Но, с другой стороны, все нововведения, изложенные в Законе о правительстве от 3 мая 1791 г., рассматривались правящей шляхтой в качестве добровольного пожертвования во имя спасения Отечества от окончательного краха. О том, что шляхта под влиянием реформаторов пошла на добровольные уступки, свидетельствуют принципы, заложенные в «Кардинальных правах», и нормы закона «Города наши королевские свободные в государствах Речи Посполитой». В этих актах государство было объявлено правовым, а общество обрело право на свободу слова и печати. Мещанство получило право на неприкосновенность личности, приобретение земельной и иной собственности и недвижности, избрание в местные сеймики, а многочисленная мелкая безземельная шляхта, наоборот, была лишена избирательных прав. Изменения в избирательном законодательстве были особенно чувствительными в социальном отношении, поскольку они позволяли консолидировать имущую группу населения фактически на основе имущественного ценза (как во Франции), а не на основе сословных привилегий, как это было ранее. Законодательные инициативы Четырехлетнего сейма учитывали интересы буржуазных слоев, но их дух базировался на идее эволюционного «врастания» старого порядка в новый. Если во Франции Великая революция передала политическую власть в руки нации, то в Речи Посполитой в результате реформ Четырехлетнего сейма политическая власть по форме оставалась старой, но по содержанию она значительно

изменилась. Теперь это была власть шляхетско-буржуазного блока, к которому принадлежал 181 депутат реформаторского сейма^{xxix}. По этой причине реформы были половинчатыми, противоречивыми, не могли носить революционного характера, но в тоже время обозначали (что, безусловно, важно) тенденцию в социальном развитии страны. В этих нововведениях просматривается (пусть и не очень явственно) национальная идентичность белорусов. Следует обратить внимание прежде всего на то обстоятельство, что белорусская идентичность также была направлена на объединение

различных имущих социальных слоев и групп населения (как во Франции) в нацию. Но в Беларуси процесс вызревания буржуазной среды еще не имел мощной динамики, был далек от завершения, поэтому и в теории и на практике под нацией понималась не динамическая категория политико-идеологического типа, а статическая константа, которая наполнялась этническими составляющими и признаками. К последним в первую очередь относятся особенности психологии и модель восприятия белорусами мира и себя в окружающем мире. Национальная идентичность и национальный характер — диалектическое единство формы и содержания. По нашему определению национальная идентичность — это конкретная эмоционально-психологическая, политико-идеологическая и культурная реакция/позиция как отдельных индивидов, так и этнической группы в целом в восприятии себя в окружающем мире, которая проявляется в принятии ими решений во всех сферах исторической деятельности.

Для национальной идентичности белорусов, на наш взгляд, характерны: склонность к отсутствию агрессии и гостеприимство по отношению к своим историческим соседям (толерантность); непротивление злу насилием (или мягкосердечие, доброта), которое сродни покорности судьбе; мирозерцательность в форме пассивности, медлительности и отсутствия склонности к принятию быстрых решений; приверженность консерватизму в форме априорного почитания исторических обычаев и традиций предков («не рушить старину, не вводить новину»); непреклонная решимость и верность идее собственной государственности, патернализм; склонность к коллективистским формам принятия решений и тяга (на уровне архетипа) к социальному равенству. Все это в полной мере нашло воплощение и при принятии нормативных правовых актов в период 1788—1793 гг., во времена восстания 1794 г., в драматических событиях 1830—1831 гг., 1863—1864 гг., в эпоху трех революций в России, имеют место быть в исторической действительности Беларуси действительности Беларуси современного времени.

ⁱ *Тырсенко А. В.* Аббат э-ж Сийес (1748—1836). У истоков французской либеральной идеологии // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 93.

ⁱⁱ *Тырсенко А. В.* Аббат э-ж Сийес (1748—1836). У истоков французской либеральной идеологии // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 95.

ⁱⁱⁱ Sieyès, E.-J. Vuessur les moyens d'exécution dont les Représentans de la France pourront disposer en 1789. Paris, 1789 (Цит. по: *Тырсенко А. В.* Указ. соч., с. 96). С. 102.

^{iv} AN, 284AP, 8, d. 8 (27 lettres de Mirabeau a Sieyès, la lettre du 23 février 1789) (Цит. по: *Тырсенко А. В.* Указ. соч., с. 98).

^v *Sieyès E.-J.* Qu'est-ce que le Tiers Etats? Paris, 1989 (Цит. по: *Тырсенко А. В.* Указ. соч., с. 96). С. 66-67.

^{vi} *Sieyès E.-J.* Dire de l'abbé Sieyès, sur la question du veto royal. Paris, 1789 (Цит. по: *Тырсенко А. В.* Указ. соч., с. 103). С. 15.

^{vii} *Тырсенко А. В.* Аббат э-ж Сийес (1748—1836). У истоков французской либеральной идеологии // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 104.

^{viii} *Тырсенко А. В.* Аббат э-ж Сийес (1748—1836). У истоков французской либеральной идеологии // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 104.

^{ix} *Tracy D.* De Commentaires sur l'esprit des lois de Montesquieu. Paris, 1819 (Цит. по: Федосова Е. И., Ревякин А. В. Нация и национальность в воззрениях французских либералов и демократов первой половины XIX в.) // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 15.

^x *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе: пер. с фр. 3-е изд. СПб.: Склад у Н.И. Герасимова, 1905. 288 с. С. 147.

^{xi} *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе: пер. с фр. 3-е изд. СПб.: Склад у Н.И. Герасимова, 1905. 288 с. С. 212.

^{xii} *Girardet R.* L'enationalisme français. Antologie 1871—1914. Paris, 1983. (Цит. по: Федосова Е. И., Ревякин А. В. Нация и национальность в воззрениях французских либералов и демократов первой половины XIX в.) // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 11.

^{xiii} *Бетуар Б.* Уплыў французскай рэвалюцыі і імперыі на развіццё сацыяльна-палітычных ідэй XIX ст. // Французская рэвалюцыя і лёсы свету: матэрыялы Міжнароднага навукова-практ. канф., прысвеч. гадавіне Французскай рэвалюцыі (1789—1799 гг.), Мінск, 21—22 крас. 1999 г. / БДУ; пад. рэд. У. С. Кошалева, У. Н. Сідарцова. Мінск, 1999. С. 16.

^{xiv} *Сен-Симон А.* Собрание сочинений. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 363 с. С. 194.

^{xv} См.: *Bonnville N.* De Lesjésuites chassés de la Maçonnerie et leur poignard brisé par les Mазons. P.: Editions du Prieurй, 1993 (Facs. Editions Orient de Londres, 1788); *Faucher J.-A.* Les francs—masons et leur pouvoir: de la Révolution à nos jours. P.: Librairie Académique Perrin, 1986; *Le Bihan A.* Francs — masons et ateliers parisiens de la Grand Loge de France au XVIIIe siècle. 1760—1795. P.: Bibl. Nat., 1973; *Nouvel histoire des idées politiques/Sous la dir. de Pascal Ory.* P.: PUF, 1987; *Albert H. F.* Chronique maçonnique du Haut — Dauphin, 1775—1816. Valdes-Pris : Editions Transhumances, 2003.

^{xvi} *Чудинов А. В.* Мазоны и Французская революция XVIII в.: дискуссия длиною в два столетия // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 61.

-
- ^{xvii} *Сен-Симон А.* Собрание сочинений. М.; Пг. : Госиздат, 1923. 363 с. С. 217.
- ^{xviii} *Киясов С. Е.* Массонский феномен в историографии XVIII—XX вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 18. М. : Издательство ЛКИ, 2007. С. 150.
- ^{xix} *Бордах Ю.* Штуды з гісторыі Вялікага княства Літоўскага. Мінск: БГА. 459 с. С. 370.
- ^{xx} *Бордах Ю.* Штуды з гісторыі Вялікага княства Літоўскага. Мінск: БГА. 459 с. С. 371.
- ^{xxi} *Бордах Ю.* Штуды з гісторыі Вялікага княства Літоўскага. Мінск: БГА. 459 с. С. 373.
- ^{xxii} *Бордах Ю.* Штуды з гісторыі Вялікага княства Літоўскага. Мінск: БГА. 459 с. С. 379.
- ^{xxiii} *Бордах Ю.* Штуды з гісторыі Вялікага княства Літоўскага. Мінск: БГА. 459 с. С. 382.
- ^{xxiv} *Бордах Ю.* Штуды з гісторыі Вялікага княства Літоўскага. Мінск: БГА. 459 с. С. 382.
- ^{xxv} *Швед В. В.* Масоны і ложы на землях Беларусі (канец XVII — першая чвэрць XIXст.): біябібліягр. слоўн. Гродна: ГрДУ, 2007. 275с. С. 7.
- ^{xxvi} *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Універ-сітэцкае, 1992. 268с. С. 220.
- ^{xxvii} *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Універ-сітэцкае, 1992. 268с. С. 222.
- ^{xxviii} *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Універ-сітэцкае, 1992. 268с. С. 221.
- ^{xxix} *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Універ-сітэцкае, 1992. 268с. С. 218.